

УДК 93:(1:316)
ББК 63.0:60.028.131
Б 91

Л.В. Бурькина,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772) 548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

Л.Д. Федосеева,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772) 548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются проблемы развития российского исторического образования, которое в условиях глобализации подвергается значительной трансформации, что связано с политикой навязывания ценностей западного общества, позиционируемых в качестве общечеловеческих ценностей. Автор приходит к выводу, что в современных условиях Россия способна выработать собственную глобализационную стратегию, осуществляющую сформированные в социальном самосознании представления о смысле исторического процесса, основанные на уникальном аксиологическом базисе.

Ключевые слова. Историческое образование, социальное самосознание, глобализация, европоцентризм, российская цивилизация, «социальные вирусы», историческое познание, историческая память.

L.V. Burykina,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8(8772)548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

L.D. Fedoseeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8(8772)548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

FORMATION OF A SOCIAL SELF-CONSCIOUSNESS IN A DISCOURSE OF THE RUSSIAN HISTORICAL EDUCATION

Abstract. The paper analyzes the development of the Russian historical education, which experiences a considerable transformation in the conditions of globalization. This is related to policy of imposing the values of the western

society positioned as universal values. The authors come to a conclusion that in the modern conditions Russia is capable to develop characteristic globalization strategy which is carrying out the ideas of sense of historical process created in a social self-consciousness based on unique axiological basis.

Keywords: historical education, social self-consciousness, globalization, Eurocentrism, Russian civilization, “social viruses”, historical knowledge, historical memory.

В соответствии с общественными ожиданиями и запросами российская система образования в начале XXI в. существенно модифицировалась, приобрела новое качество, пройдя этап глубоких социальных преобразований в 90-е гг. XX в. Однако современные исследования, анализирующие особенности исторического познания в образовательной сфере, свидетельствуют, что человечество находится на пороге новой гуманитарной революции, которая позволит сформировать новое системное мышление, развить новый глобальный инновационный образовательный проект – образование в интересах устойчивого развития, ориентированное на экологически-безопасное развитие человеческой цивилизации [1; 134].

К сожалению приходится констатировать, что современная наука потеряла способность прогнозировать кризисные явления. Одна из причин этого – трансформация терминологического аппарата как следствие всё более глобального влияния техногенного наступления на гуманитарную систему знаний. В итоге естествознание через системный подход в определённой степени модифицировало гуманитарную отрасль, тем самым синтез явлений был замещен анализом, методология до сих пор не владеет в должной мере междисциплинарным подходом к исследованию [2; 71].

Данная ситуация проявляет себя и в образовательной системе. Поскольку исторической науке присуща определённая субъективность познания, историческое знание не только выделяет индивидуальное и неповторимое в истории, но и складывается на основе

индивидуальных оценок и личных предпочтений. Определение объекта истории по-прежнему находится в центре дискуссий. Например, В.О. Ключевский считал предметом изучения истории «жизнь человечества», уточняя, что «этот термин «жизнь человечества» есть очень широкое обобщение, которое выведено несколькими ступенями из конкретных явлений» [3; 144]. Вместе с тем Н.Я. Данилевский утверждал, что «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [4; 110].

В обстановке усиления глобализационных процессов идеи Н.Я. Данилевского позволяют определить ориентиры не только в научном, но и в учебном историческом познании, в дальнейшем развитии О. Шпенглером. Так, Данилевский отмечает, что в концепции культурно-исторических типов не должно быть места евроцентризму. В условиях современной практики мирового развития находятся подтверждения того, что Европа, выполнив колонизаторскую миссию, постепенно уступает свои позиции другим цивилизациям. Н.Я. Данилевскому принадлежит пальма первенства в разработке модели мультиполярного мира, представляющего в его понимании «необходимое и вместе с тем единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы» [4; 458]. Создание мирового мегапроекта, альтернативного плану глобального

единодержавия, является, по Данилевскому, главным условием сохранения всемирного баланса сил, включающим в себя необходимость формирования вокруг России федерации славянских государств («Всеславянского союза»). В современном мире данная идея носит модифицированный характер, она выступает как вероятность интеграции ряда постсоветских лимитрофных государств и возможность складывания единого экономического пространства. Следующим условием всемирного равновесия Н.Я. Данилевский считал «...равный и справедливый раздел власти и влияния между... Европой, Славянством и Америкой» [4; 459].

Безусловно, в XXI в. вероятных участников подобного геополитического проекта не три, а, по меньшей мере, восемь: 1) США со сложившейся вокруг них Североамериканской зоной свободной торговли; 2) Европейский союз; 3) Китай; 4) Россия и интегрирующиеся с ней другие государства СНГ; 5) Индия с близкими ей культурами Южной Азии; 6) Япония; 7) Мусульманский мир; 8) Содружество латиноамериканских государств.

Знание студентами отечественной истории и места России в мировом цивилизационном процессе – это не только и не столько соответствующая оценка за максимально точно изложенный фрагмент вузовского учебника по истории Отечества. Как отмечает Н.М. Чуринов, «история нашей страны простирается в весьма далёкое прошлое, и она состоит не только из беспросветных тайн, но и располагает значительным числом научных фактов, позволяющих подкрепить силы исторического сознания нашего народа и овладеть прочными знаниями о государственности нашей Родины..., без тех или иных изъятий. А между тем, в настоящее время весьма мучительным для русского народа является жестокое историко-идеологическое давление

на его историческое сознание и историческое самосознание. Согласно ему (указанному давлению) выходит, что у России нет многовековой демократической традиции, что мы якобы должны равняться на Запад и безоглядно перенимать у Запада всё, чтобы войти в так называемую мировую цивилизацию...» [5; 9].

Однако «чужебесие, по мнению А.А. Королькова, в духовной сфере более губительно, чем в телесной» [6; 21], и с этим трудно не согласиться. В.О. Ключевский указывал, что «можно и должно заимствовать изобретенный другими способ вязать чулки, но нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений. Каждый порядочный народ все это должен иметь свое» [7; 321]. И не случайно Д.С. Лихачёв отмечал: «По учению монаха Нестора, историческое самосознание – это выражение борьбы добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Нестор проводит мысль об историческом единстве народа, единении самосознания Руси» [8; 115].

Процесс пробуждения национального сознания, по мнению Л.П. Карсавина, соответствует начальному этапу «сверхвременного идеала и сверхвременного существа народа» [9; 22], который начинается на уровне учебного исторического познания в школе и продолжается в вузе, помогая обучающимся позиционировать себя в общественной жизни, что является неперенным условием социализации личности. В связи с этим необходимо восприятие славянофильства, евразийства и других патриотических течений не как экзотических, утративших актуальность в обстановке доминирования «западничества» в современной Российской Федерации.

Преподавателю необходимо акцентировать внимание студентов на то обстоятельство, что наряду с парламентаризмом существуют и другие формы вполне работоспособной

государственной системы, а базовой составляющей в контексте национального феномена России выступает принцип соборного единства как основополагающей черты русской народной индивидуальности и как идеала устройства социума. Таким образом, преподавателю следует компенсировать тот факт, что в российских учебниках по истории в недостаточно полной мере уделяется внимание исконно российским чертам государственной и общественной жизни, и привлекать аргументы, порой диссонирующие с прозападным общественным мнением.

Тот факт, что русский народ смог выжить в жёстких природно-климатических и геополитических условиях, когда природа являлась скорее мачехой, чем матерью, по образному выражению С.М. Соловьёва, покорил при этом шестую часть земной суши, создал самое крупное в мире государство, не уничтожил ни одного народа, создал величайшую культуру – повод для гордости. Студенты, изучая отечественную историю, должны осознать, что такому народу присущи уникальные качества, поскольку, как справедливо отмечает В. Аксютин, «только народ с подобным генотипом мог приспособиться к суровым и неустойчивым циклам Евразии. Не только за счёт приобретений, но и потерь, усугубления некоторых трудностей характера, слабости и болезненные качества компенсировались жизненным укладом... Но когда рушились традиции и связи с национальными ориентирами, русский человек деградировал. Потеря смысла жизни для него была страшней любых испытаний» [10]. В связи с этим представляется важным объяснять студентам сущность соотношения западных и отечественных ценностей, учитывая особую миссию исторической науки, доказывающей или опровергающей те или иные аксиологические постулаты. Концепция общечеловеческих

ценностей, гипертрофируя значимость идеалов, символов и стандартов жизни индивидуалистического общества, в данном ракурсе органически несостоятельна. Во-первых, потребительское отношение к содержанию мира – это одно из вероятных отношений к нему, а потому такое отношение, аллопатичное для Запада, оказывается недопустимым в других регионах мира, особенно там, где существует более бережное отношение к внутреннему и внешнему миру людей. Во-вторых, иждивенческое отношение к содержанию мира и насаждение прагматизма и эгоизма человечеству привело к разрастанию глобальных проблем современного мира.

Ценностно-смысловое содержание российской цивилизации явно не исчерпывается одним европеизмом, однако евроцентристский принцип является ведущим и при изучении истории в современной России. Учебники по истории России базируются на принципах западного подхода к истории человечества, оправдывающего глобализацию и евроцентризм. Н.А. Косолапов подчёркивает, что «не вполне понятно, почему тема глобализации появляется в тексте учебника лишь в главах, относящихся к периоду после распада СССР, т.е. после 1991 г. В мировой и отечественной литературе есть как минимум четыре точки зрения по вопросу о том, как датировать начало этого процесса, причём ни одна из них не связывает его с прекращением существования Советского Союза. Начало постбиполярного миропорядка также трудно связать именно с этим годом: какие-то симптомы крушения ялтинско-потсдамской системы проявились раньше..., другие не обрели достаточной определённости даже сегодня и могут получить неожиданное продолжение и развитие (вспомним, например, о пока ещё сохраняющемся у РФ стратегическом потенциале, соизмеримом с американским)» [11; 177].

Безусловно, в целях сохранения объективности при исследовании исторического процесса в любой образовательной системе следует помнить, что несовпадение социально-исторических и демографических поколений – одна из характерных черт гетерохронности хода истории, а потому и нетождественность исторического и хронологического времени. Неравномерное развитие присуще различным сферам человеческого общества и человеческой личности. Вначале одного и того же XXI в. одни люди живут при капитализме, другие при социализме, одни в скафандрах ходят по Луне, другие нагишом по джунглям. В.П. Яковлев отмечает, что не менее существенно и то, что одни и те же люди и одни и те же страны способны обогнать своё историческое время, другие отстать от него [12; 78].

Существенной чертой российского европеизма является определённый диалогизм, зачастую – в противостоянии с неевропейскими элементами культуры – доходящий до своего антипода. Считая Россию Европой «по ту сторону Европы, по мнению И.В. Кондакова, мы тем самым признаём исключительное своеобразие России как части европейской цивилизации, констатируем парадоксальность, противоречивость... её вхождения в Европу и современного пребывания в ней. «Потусторонность» России Европе проявляется в стремлении русской и всей российской культуры таким образом адаптироваться к европейскому контексту, при котором европейские ценности и нормы заметно трансформируются и интерпретируются в соответствии с традициями и историческим опытом России, а Россия вбирает в себя Европу как частный случай российского бытия и самосознания» [13; 7].

Базируясь на почве научного анализа, историческая наука способна иметь и значительный побочный «педагогический» эффект, акцентируя внимание на отдельные

цивилизации и культуры, развивающиеся в русле глобализации, не сливаясь и не ассимилируясь в ней. Итальянский славист В. Страда считает, что возможно появление нового осмысления современности и идущих в ней процессов, перед сегодняшней Россией «стоит нелегкая задача обретения собственной национальной постимперской и постсоветской идентичности в новой мировой реальности» [14; 60].

Экономические и политические преобразования в Российской Федерации, длящиеся уже четверть века, по-прежнему содержат большое количество рисков. Исторический опыт свидетельствует, что именно в эпохи реформ существует наивысшая степень опасности социальным системам, поскольку во время так называемых фазовых переходов общество, истощённое бременем собственных проблем, а также часто активной интерцессией внешних сил, ищет новые возможности решения стоящих перед ним задач и поэтому обращается за опытом к «передовым» странам Запада. Однако перенимание чужого опыта далеко не всегда бывает полезным. Постоянно существует реальная опасность приобретения своего рода «социальных вирусов», социокультурных, социально-психологических, информационных, способных разрушить ценностную сущность российского архетипа [15; 4]. Необходимо иметь в виду парадоксальность современного положения России, которой, как справедливо отмечает В.Б. Пастухов, в настоящее время следует бороться не столько «против» лимитрофов, сколько «за» них, «отвоёвывать» их обратно у Европы [16].

В преподавании истории в вузе связь истории с современностью не является особым методологическим приёмом, а по сути – это принципиальный момент позиционирования как учебника, так и ментальности самого преподавателя. В подобной ситуации встанет на повестку вполне

закономерный вопрос: насколько мы обладаем правом рассматривать прошлое с позиции сегодняшнего дня. Поскольку именно истории как науке и учебной дисциплине отводится главенствующая роль в возвращении духовности отечественному образованию, многие выдающиеся мыслители не только сами успешно познавали прошлое, но и активно отстаивали важность и необходимость его изучения. Л.Н. Гумилёв утверждал, что «всё хвалёное настоящее – лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро отнюдь не легче, чем эпоху Пунических войн. И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история реальна» [17; 8].

Преподавание истории в вузах Российской Федерации в 90-е гг. XX в. – начале XXI в. претерпело столько трансформаций, которых не знала ни одна другая дисциплина социогуманитарного цикла. Несколько раз менялись названия курсов, их цели, задачи, программы и место истории в гуманитарном блоке, что зачастую объяснялось не научной целесообразностью, а политической конъюнктурой. Концепция преподавания истории в новом федеральном государственном образовательном стандарте имеет цель дать студенту достоверное представление о роли исторической науки в познании прошлого во имя будущего. Выпускник программы бакалавриата должен обладать способностью к самоорганизации и самообразованию, к анализу основных этапов и закономерностей исторического развития общества для формирования гражданской позиции.

Сегодня в российском социуме явно прогрессирует желание изучать и знать историю, так как в процессе исторического развития происходит усиление роли гуманитарной компоненты в образовательной сфере. О возросшем интересе молодёжи к истории

свидетельствует и ее активное участие в акциях «Всероссийский тест по истории Отечества», «Всероссийский тест по истории Великой Отечественной войны», поскольку россияне возмущают факты фальсификации и переписывания истории рядом историков сопредельных государств, а противостоять этому можно только имея собственную позицию, основанную на знаниях. Важнейшее предназначение исторического познания – передача социального опыта и социализация, то есть приобщение молодёжи к нормам и ценностям общества. В структуре образовательных стандартов информационного общества принципиально новое место отведено социально-гуманитарному блоку дисциплин, и, прежде всего, истории. Компьютерные технологии создают глобальную конверсию информации, взаимодействие становится плюралистичным, зачастую виртуальным. Оно принципиально меняет вид коммуникации и соответственно методы трансляции социального опыта. Новые формы коммуникации обрушивают потоки научного, повседневного, религиозного, художественного знания на человека, являясь для него одинаково доступными и претендующими на эквивалентность, оставляя вероятность выбора самому реципиенту. В сфере образования приоритетным становится не овладение определенным конгломератом знаний, а освоение методики и технологии отбора, приобретение способности ориентироваться в лавине информации, действовать в быстро меняющемся мире.

Важной функцией исторического познания, особенно учебного, является выработка социального самосознания различных групп людей, и в первую очередь молодёжи. Историческое познание играет в обществе такую же роль, какую в деятельности индивида играет память. В определённом смысле индивидуальная память может

выступать аналогом исторического сознания. Известный кавказовед Э.А. Шеуджен подчёркивает, что «историческая память, несмотря на неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой. Воздействие стереотипов памяти на сознание и поведение людей может консолидировать общество, но может оказывать и негативное, разрушающее влияние. Крайне важно учитывать, что существующие в обществе представления об историческом прошлом, понимание его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможного влияния на будущее превращаются в ценностные ориентиры, во многом определяющие поступки людей, оказывая выраженное воздействие на характер и методы решения современных общественных проблем» [18; 276].

В 90-е гг. XX в. наблюдалась тенденция к реквизиции из образовательного процесса проблем, освещающих общественные цели и устремления, те самые, которые в гипертрофированно-политизированной форме доминировали в содержательном пространстве советской системы образования. В основе аргументации такой практики лежал принцип деидеологизации общественной жизни. Однако история уже неоднократно свидетельствовала о том, что изъятие идеологии вообще на деле означает отказ общества от собственного воспроизводства – и в его социальном, и в индивидуальном, человеческом аспекте, приводящий к разрушению социального менталитета, основополагающих критериев развития социума. Характерной чертой современного мира является поиск новых мировоззренческих ориентиров, отличных от символов веры техногенной цивилизации. В современных условиях есть все основания полагать, что Россия сегодня объективно созрела для реализации курса на самостоятельное развитие, и это

совсем не противоречит общемировому тренду, в соответствии с которым осуществление тенденции к универсализации общественных отношений сопровождается интенсификацией тенденции к социокультурной уникализации, закономерно приводящей к росту национального самосознания в различных по своей социальной специфике государствах.

Духовность общества формируется только на основе фундаментального исторического каркаса. В содержании человеческого сознания представлено во всей полноте его реальное историческое бытие. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что совокупность живущих в одну историческую эпоху индивидов является своеобразным зеркалом эпохи, поскольку в их жизнедеятельности, традициях, предпочтениях отражается стиль мышления времени, его ведущие социальные тенденции. Учебное историческое познание способно сыграть важную роль в реконструкции исторического прошлого, требующего личностного отношения познающего к конкретному феномену прошлого, так как «резко отличаются друг от друга две ценностные точки зрения: субъективная, или привносимая от себя, и объективная, занимаемая соразмерно с весом исторических последствий» [19; 313].

В настоящее время большинство представителей общественных наук дистанцируются от представления о «едином плавильном котле» и поддерживают идею «единства в многообразии», т.е. двигаясь магистральной дорогой, народы сохраняют определённую самобытность благодаря своей ментальности, сформированной национальной культурой, стал закономерным симбиоз в границах одного государства принципиально разных культур, что позволяет познать истоки патриотизма представителей разных этносов. Основные тенденции развития

российского исторического образования свидетельствуют о том, что в современных условиях Россия способна выработать собственную глобализационную стратегию, осуществляющую сформированные в социальном самосознании представления о смысле исторического процесса, основанные на уникальном аксиологическом базисе.

Примечания:

1. Габинская А.А. Гуманитарный смысл образования // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. С. 134-136.

2. Кочетов Э.Г. Осознание глобального мира // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. № 5. С. 71-76.

3. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы: Методология русской истории. Терминология русской истории. История сословий в России. М.: Мысль, 1989. 480 с.

4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб: Глагол, 1995. 513 с.

5. Чуринов Н.М. Историческая идеология и историческое сознание // Теория и история. 2004. № 2. С. 3-9.

6. Корольков А.А. Духовная антропология и тенденции современного образования // Теория и история. 2004. № 3. С. 21-23.

7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1989. 526 с.

8. Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.

9. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб: АО Комплект, 1993. С. 21-22.

10. Аксютин В.В. Апология русского характера // Независимая газета. 2000. 27 июня.

11. Косолапов Н.А. ИМО: верификация научной концепции // Полис. 2004. № 2. С. 174-178.

12. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов н / Д.: Изд-во РГУ, 1980. 160 с.

13. Кондаков И.В. По ту сторону Европы // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 7-12.

14. Страда В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 57-62.

15. Н.А. Белоусов. Преобразование России и проблема её самосохранения // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 17-18 июня 2011 г. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 346 с.

16. Пастухов В.Б. Лимитрофы // Аргументы недели. 2007. 1 марта.

17. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2015. 320 с.

18. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.

19. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1987. 432 с.

References:

1. Gabinskaya A.A. Humanitarian sense of education // Dialogue of generations and cultures in the context of globalization: Materials of Intern. Conf. "The Conflict of Generations in the context of Informational Globalization". SPb: Publishing House of Polytechnic University, 2007. P. 134-136.

2. Kochetov E.G. Understanding of the global world // World Economy and International Relations. – 2001. No. 5. P. 71-76.

3. Klyuchevsky V.O. Compositions: In 9 v. V. VI. Express courses: Methodology of the Russian history. Nomenclature of the Russian history. History of estates in Russia. M.: Mysl, 1989. 480 pp.
4. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. SPb: Glagol, 1995. 513 pp.
5. Churinov N.M. Historical ideology and historical consciousness // Theory and history. 2004. No. 2. P. 3-9.
6. Korolkov A.A. Spiritual anthropology and tendencies of the modern education // Theory and History. 2004. No. 3. P. 21-23.
7. Klyuchevsky V.O. Compositions: In 9 v. V. IX. Materials of different years. M.: Mysl, 1989. 526 pp.
8. Likhachev D.S. Notes and observations. From notebooks of different years. L.: Soviet writer, 1989. 608 pp.
9. Karsavin L.P. History philosophy. SPb: AO Komplekt, 1993. P. 21-22.
10. Aksyuchits V.V. Apology of the Russian character // Independent Newspaper. 2000. June 27.
11. Kosolapov N.A. IMO: verification of the scientific concept // Polis. 2004. No. 2. P. 174-178.
12. Yakovlev V.P. Social time. Rostov –on-Don: RGU Publishing House, 1980. 160 pp.
13. Kondakov I.V. On that side of Europe // Questions of Philosophy. 2002. No. 6. P. 7-12.
14. Strada V. Globalization and history // Modern and Contemporary History. 2002. No. 6. P. 57-62.
15. Belousov N.A. Transformation of Russia and problem of its self-preservation // Russia in a modernization era: experience, problems and prospects: materials of the Russian scientific and practical conference with the international participation, June 17-18, 2011 Barnaul: AltGTU Publishing House, 2011. 346 pp.
16. Pastukhov V.B. Limitrophs // Arguments of Week. 2007. March 1.
17. Gumilev L.N. From Rus' to Russia. Sketches of Ethnic History. M.: Ayres press, 2015. 320 pp.
18. Sheudzhen E.A. Adyghes (Circassians) in space of historical memory. Moscow-Maikop: AGU Publishing House, 2010. 280 pp.
19. Granovsky T.N. Lectures on Middle Ages history. M.: Nauka, 1987. 432 pp.